

Парадоксы журналистского образования в контексте современности

Будучи филологом по образованию и по духу, трудно рассуждать о задачах и проблемах журналистского образования. Но коль скоро индивидуальная судьба и профессиональная деятельность связали филологию и журналистику, приходится занять позицию «над» корпоративными научными интересами. Скромный опыт преподавания на специальности «Журналистика» не исключает возможности размышлять о парадоксах журналистского образования в Украине в целом, и в Харьковском университете в частности.

Неудовлетворенность качеством подготовки отечественных журналистов не требует отдельного обоснования: об этом свидетельствует и реакция медиа-рынка, на который выходят наши выпускники, и собственная реакция студентов, уясняющих профессиональную беспомощность на первой же практике, и непрекращающаяся дискуссия о перспективах развития украинской журналистики. В контексте общественной рефлексии по во-

просам журналистского образования, рассмотрим некоторые проблемы, связанные с его содержанием и предназначением.

Журналистика, с одной стороны, – социокультурный феномен, природа которого предопределена характером деятельности человека. Феномены подобного рода являются объектом осмысления разных наук: философии, истории, социологии, филологии и т.п. В практике научного осмысления и дидактическом представлении его содержательных результатов такие феномены стоят в ряду подобных как составляющие предмета той или иной науки. Каждая из наук в отношении к своему предмету вырабатывает собственную методологию и собственную понятийную систему. Журналистика в таком случае может осмысляться в контексте развития (истории) и в других контекстах: социальном, культурном, словесном (филологическом). Актуализация каждого плана изменяет предмет и модус научного осмысления, делая его синкретичным.

С другой стороны, будучи специальностью университетского образования, журналистика претендует на научную самостоятельность. Это предполагает конкретизацию предмета «журналистской науки», ее содержания, ее понятийной системы. Именно этим и занимается теория журналистики. В отношении этой теории немало нареканий, которые нередко приобретают весьма категоричный характер. Так, например, Е. Федченко, директор Могиланской школы журналистики, утверждает следующее: *«Журналистика не является и никогда не являлась наукой, хотя бы потому, что так никому и не удалось до сих пор найти предмет изучения! Есть только отдельные секторы журналистики, применяющие научные методы исследования. Но быть наукой и использовать научные методы – это разные вещи. Например, теория массовых коммуникаций, находящаяся на стыке разных академических дисциплин – социологии, философии, антропологии, или исследовательский прием в медиа, находящийся на стыке социологии, психологии, статистики, математики. Это очень важные части любого журналистского образования, но они не дают журналистам чрезвычайно важного инструмента в дальнейшей работе – навыков писать тексты, делать радиорепортаж, снимать и монтировать сюжет. Филология или литература в этом не помогут. Ведь журналистика – это отнюдь не умение писать красиво и творчески. Прежде всего это способность и умение быстро собирать факты, определять их ценность, быстро и объективно доносить их до аудитории»* [3]. За этим заявлением стоит достаточно характерная для практикующих журналистов убежденность в том, что академическое образование изжило себя и должно быть изменено по сути. Такие изменения видятся в ориентации на современную практику деятельности журналиста, успешное освоение которой связывают с системой мобильных журналистских школ.

Вместе с тем журналистика, будучи университетской наукой, ищет основания «самопрезентации» в традициях дидактики. Классическая задача дидактики – установление понятийной иерархии родо-видовых отношений, отраженных в терминологических системах. Системно-структурный подход, реализуемый в дидактических моделях, входит в противоречие с характером научного объекта, каким является журналистика, дискурсивным и деятельностным по своей природе. Этот подход, несомненно, оправдывал себя в период советской журналистики и по суще-

ству был связан с ее «нормообразующей» и стилистической доминантой.

В сфере гуманитарного знания, как известно, есть свои тенденции развития. Так, 19 век передал 20-му (на рубеже этих веков и формируется система журналистского образования) 1) всеобщий принцип историзма и 2) субъектно-объектный подход в осмыслении гуманитарных явлений. Принцип историзма был реализован в динамическом подходе к исследованиям всех типов и форм словесности. В журналистиковедении этот принцип проявлен в самооценности истории журналистики. Субъектно-объектный подход в методологии научного познания, в свою очередь, предопределил структурный способ моделирования целостных объектов, разлагаемых в познавательных целях на единицы описания. В журналистике единица такого описания – категория жанра.

В такой ситуации разработка категориального аппарата становится обязательным условием научных исследований, а создание метаязыка нередко составляет их содержательный результат. Наряду с этим деятельность составляющая требует от журналиста готовности осмыслить тот или иной «материал» в соответствии с социальным или идеологическим заказом и представить результаты осмысления в жанровой форме, все составляющие которой известны, определены и строго регламентированы. На долю «личного» остается «мастерство», которое и позволяет журналисту проявить свою индивидуальность. В современной же ситуации доминанту развития СМИ предопределяет относительная свобода деятельности журналиста и его личная, в том числе и финансовая ответственность за качество создаваемого конечного продукта. Знание теории жанровой формы оказывается недостаточным, если журналист не знает, как найти источник информации, какие информационные ресурсы или технические средства наиболее эффективны для поиска, как соотнести задачу и время ее решения, и многое другое. К тому же общей особенностью современных СМИ является жанровая размытость подаваемой информации, явный приоритет образных и зрелищных форм ее представления, диффузность дискурсивного поля журналистики. Это заставляет размышлять о новых методах осмысления самой журналистской деятельности и новых формах преподавания ее теоретических основ.

Констатируя универсальные закономерности смыслообразования, философы отмечают: «Новое осмысление всегда катастро-

фично, всегда апокалипсис <...>. Условием смыслообразования оказывается разупорядочение старых смысловых структур, их дезинтеграция, хаос <...>. В каждом смыслообразовании заложена катастрофа существования, выход за рамки его границ в „недискретное”, чтобы сегментировать его заново» [2]. Дидактика же, как правило, отдает предпочтение традиции. Преимущество в этой области ценится выше смыслообразования, а любая дезинтеграция устоявшихся представлений воспринимается как угроза существования науки. Вместе с тем тенденции развития гуманитарного знания обнаруживают значимость ряда универсальных категорий, которые предопределяют сам процесс смыслообразования. Таковы сопряженные друг с другом категории Диалога (М. Бахтин, М. Бубер), Субъекта и Другого (Ортега-и-Гассет), Своего и Чужого, и, наконец, категория Дискурса, снимающая оппозиции языка и речи, языка и сознания, языка и культуры. Естественно, что эти категории не формируют ряд однозначных корреляций по отношению к таким прагматическим категориям, как Факт и Мнение, Новость и Информация, Правда и Ложь, значимым в рамках журналистского дискурса, но и те и другие органически связаны в общем поле коммуникации.

В теории журналистики, а также практике преподавания в большей мере сохраняются особенности сложившихся традиций, а новые тенденции нередко реализуются на уровне слов, за которыми не всегда стоит имманентное содержание. Сложность состоит в том, что универсальные категории в идеале должны пронизывать соответствующие курсы, выступая как методологические принципы обучения. Диалогическая ориентация на практические цели и нужды *Другого* ставит преподавателя перед задачей быть готовым к ответу на вопрос, зачем то или иное знание нужно будущему журналисту, и в какой проекции оно значимо для его практической деятельности. Необходимость отвечать на этот вопрос может подорвать традицию преподавания ряда дисциплин, значение которых для журналиста не оспаривается.

Это в первую очередь имеет отношение к преподаванию украинского и русского языков, а также украинской и русской литературы. Сложившаяся в течение многих десятилетий практика преподавания родного языка в средней и высшей школе ориентирована на системно-структурную парадигму описания. Модель языка в рамках такой парадигмы предстает как система языковых единиц раз-

ного уровня – фонетических, лексических, морфологических, синтаксических. Соответственно выстраиваются и программы преподавания курсов современного украинского и русского языков. На практике это означает овладение категориальным аппаратом моделирования языка и усвоение правил применения орфографической, синтаксической или грамматической нормы. Такое описание представляет язык как ресурс, как некий склад исходных форм, из которых говорящий осуществляет свой выбор. Задача, которую ставит перед собой коммуникативная личность, возможности реализовать ее в деятельностной ситуации остаются вне такого описания и преподавания языка. Отсюда недоумение студентов-журналистов, овладевших, к примеру, навыками фонетической транскрипции, по поводу ее применения в их практической деятельности. В лингвистике, конечно, существуют и иные модели описания языка, в том числе и функциональные, но пока они востребованы лишь для преподавания языка иностранцам. Выделение стилистики в отдельный курс, да еще в таком анахроническом варианте, как практическая стилистика, не оправдывает себя при коммуникативном подходе, в контексте которого обретают значимость навыки дискурсивно обусловленного письма и говорения.

В то время как в реальной речевой деятельности журналиста доминируют продуктивные формы, в практике обучения значимой оказывается репродукция готового знания. В связи с введением в рамках Болонского процесса письменной формы экзаменов «говорение» как вид речевой деятельности практически «уходит со сцены». Вместе с тем работа репортера связана с умением правильно ставить вопросы и получать искомую информацию, уметь различать речевую демагогию и прямую коммуникацию, распознавать эвфемистические, уклончивые высказывания и откровенную ложь.

В условиях реального или потенциального двуязычия в восточных регионах Украины, предопределенного государственным статусом украинского языка, особенно значимым становится сопоставление (в том числе и учебное) этих языков, различающихся в тонких когнитивных концептуализациях. Столь же актуальна необходимость включения в программу журналистов учебных курсов «перевода», ведь нередко язык источника информации и язык ее представления в СМИ не совпадают. Грубый подстрочник, который выдают компьютерные программы, активно используемые в профес-

сиональной деятельности, снимает особенности коннотативного фона, значимость которого в интерпретации содержания речи трудно переоценить. В то же время реализация подобных задач не является простым делом, зависящим лишь от волевых решений. Объем сопоставительных русско-украинских или украинско-русских лингвистических исследований более чем скромнен, а теорией перевода традиционно интересуются лишь преподаватели иностранных языков.

Вопрос – *зачем?* – не менее важен и в преподавании курсов украинской и русской литературы. При несомненной значимости преподавания литературы для журналистов неоднозначной остается проблема связи соответствующих курсов с историей литературного метода, положенной в их основу. На вопрос, какими могли бы быть познавательные и прагматические задачи изучения литературы будущими журналистами, должны дать ответы литературоведы. Пока же студенты-журналисты, как и студенты-филологи на протяжении десятков лет конспектируют многочисленные работы по литературоведению.

В то же время поэтический (в широком смысле этого слова) и журналистский взгляды на жизнь обнаруживают сходство в главном: и писатель и журналист видят то, что скрыто от обычного человека, является для него не очевидным. Не менее важен ценностный план литературы.

Не вызывает сомнения, что в ситуации ценностного и нравственного дефицита в украинском обществе гуманитарное знание приобретает особую значимость. Настоящая наука учит человека мыслить, а мысль и знание как непреходящие ценности являются нравственной прививкой для любого человека, который может ошибаться, заблуждаться и лгать, но который знает о существовании ошибок, заблуждений и лжи, а, следовательно, и о существовании истины. В противном случае журналист в общественном сознании будет представлять одной из ипостасей, реконструируемого В. Шелюженко образа «писакки», который в контексте общественного стереотипа – «все врут» – воспринимается как «киллер нанятый, которому не верят, когда он рассказывает неприятную правду, и тем более не верят, когда он впаривает потребителю лестную для кого-то джину» [4]. Наив-

но-циничные признания студентов в том, что они надеются научиться на специальности «Журналистика» манипулировать сознанием, свидетельствует об особой значимости в образовании нравственного аспекта. Гарантией нравственности будущих специалистов, попадающих в жесткие условия рынка, на котором правят деньги, как представляется, является подлинный профессионализм и нравственная позиция их учителей. Гарантией же профессионализма и тех и других является универсальная способность думать, проявляющаяся в способности ставить вопросы и отвечать на них.

Способность мыслить позволяет различать эвристические идеи и стереотипы сознания, в том числе и научного, социальные мифы и новое знание, адекватно оценивать значимость традиции и новаций различного типа, что является основой подлинного профессионализма в обучении и практической деятельности. Именно это является гарантией имманентного осмысления журналистики не в социальных или национальных категориях, а в категориях качества. Именно так осознают специфику журналистики профессионалы. Ср. высказывание Д. Рэндалла: *«Точно так же не существует российской журналистики, польской журналистики, болгарской журналистики, французской, нигерийской, голландской, тайской, финской, исландской, бирманской, латвийской журналистики или журналистики Саудовской Аравии. Есть только хорошая и плохая журналистика»* [1].

В контексте этой мысли основная задача преподавания на отделениях и факультетах журналистики украинских университетов должна определяться категорией «Качества», объединяющей в своем содержании и нравственную позицию, и мыслительную активность, и способность трудиться «здесь» и «сейчас». Известная оппозиция теории и практики (*«суха, мой друг, теория, но зеленеет древо жизни»*), филологии как словесного творчества и журналистики как технологии сбора и обработки общественно ценной информации может быть снята только в том случае, если филологи смогут преодолеть профессиональные и научные стереотипы, а журналисты обретут в ней гарантии методологической ясности и точности в осмыслении текущих явлений мира.

Литература

1. Рэндалл Д. Универсальный журналист // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Gum/Rendall/index.php; 2. Тульчинский Е. Лимитативность // Проективный словарь философии. Новые понятия

и термины. М., – 2003. 3. Федченко Е. То, чего мы не знаем, может нас убить // Зеркало недели. – 2006. – 15–25 апреля; 4. Шелюженко Ю. «Ху из

украинский журналист?» «Телекритика» // 8.06.2006// <http://www.telekritika.kiev.ua/>

АНОТАЦІЯ

Розглядаються деякі питання журналістської освіти, пов'язані з викладанням дисциплін філологічного циклу.

SUMMARY

The article deals with certain issues of journalistic education related to teaching philological subjects.